

Колюбакин Борис Михайлович

**Воспоминания офицера
Кобулетского отряда в кампанию
1877-78 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б82

Б82 **Борис Михайлович К.**
Воспоминания офицера Кобулетского отряда в кампанию 1877-78 гг / Колюбакин Борис Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 290 с.

ISBN 978-5-519-89965-9

ISBN 978-5-519-89965-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

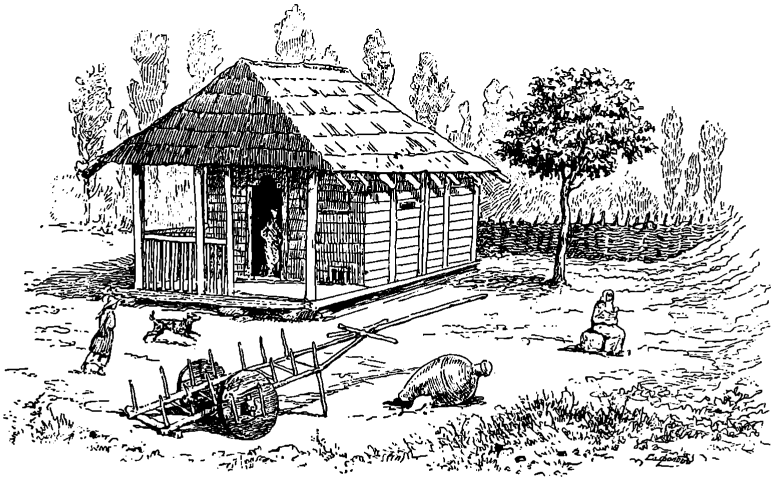
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Четыре мѣсяца въ Гуріи наканунѣ войны .	1
II. Краткій военный обзоръ театра дѣйствій Кобулетскаго отряда .	28
III. Движеніе на Чолокъ и вступленіе на турецкую територію.	44
IV. День 14-го апрѣля .	58
V. Стоянка на Муха-Эстатской позиціи .	68
VI. Бой 29-го апрѣля и взятіе Хуцу-Убанскихъ высотъ и селеній .	78
VII. Періодъ устройства и расположенія на Хуцу-Убанской позиціи съ 29-го апрѣля по 16-е мая	102
VIII. Переходъ 16-го мая рѣки Кинтриши и постепенное утвержденіе войскъ лѣвой колонны на высотахъ Самеба. .	128
IX. Постепенное утвержденіе отряда на высотахъ Столовой горы .	145
X. .	165
XI. Бой 11-го и 12-го іюня	189
XII. Возвращеніе штурмовыхъ колоннъ на Самеба. — Переходъ турокъ въ наступленіе 12-го іюня и отступленіе отряда на Муха-Эстате въ ночь съ 16-го на 17-е іюня.	224
XIII. Заключенія и выводы.	257

Крестыанскій Гурійскій домъ.

I.

Четыре мѣсяца въ Гуріи наканунѣ войны.

лухи о предстоящей войнѣ съ Турціей къ осени 1876 года превратились въ приготовленія. Кавказская армія на всемъ протяженіи границъ нашихъ съ Анатоліей сосредоточивалась въ трехъ главныхъ пунктахъ, различныхъ по своей природѣ, жителямъ, климату и характеру предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а именно: въ Эривани, въ Александрополь и наконецъ въ бассейнѣ Ріона, въ Древней Колхидѣ.

Судьба назначила мнѣ послѣдній пунктъ, и я получилъ назначеніе вести орудія на вооруженіе города Озургеть, этого отдаленнаго пункта нашихъ владѣній на Западномъ Кавказѣ, и на время войны мнѣ предстояло завѣдывать вооруженіемъ этого города, для чего я и долженъ былъ доставить восемь орудій.

Простившись со всѣми близкими сердцу и кончивъ несложное свое снаряженіе, состоявшее главнымъ образомъ во вьючныхъ сундукахъ, исправномъ сѣдлѣ и тепломъ сюртукѣ, я, въ концѣ декабря, выѣхалъ изъ Тифлиса и въ началѣ января былъ уже на мѣстѣ, пройдя до ст. Самтреді по желѣзной дорогѣ, а далѣе по шоссе до самыхъ Озургетъ.

Дорога отъ Самтреді до Озургетъ весьма интересна; здѣсь уже господствуетъ природа при-Ріонскаго края. Эта природа поражаетъ и очаровываетъ путника даже зимой: чувствуешь какую то необычайную мягкость воздуха, которая нѣжитъ въ то время, какъ взоръ наслаждается видомъ равнины, которая недаромъ пазывается «вѣчно-зеленѣющей».

Этотъ вѣчно зеленый характеръ пейзажа даютъ Ріонской долиנѣ неувядающія растенія, которыя по склонамъ окрестныхъ горъ образуютъ иногда цѣлыя заросли: рододендры, мирты, лавры, плющи, кипарисы и хвой соперничаютъ другъ передъ другомъ свѣжестью красокъ; другія же лиственные деревья, хотя и оголены отъ листвы, но за то перевиты темными прядями плюща.

Направо и налѣво отъ дороги большіе участки полей и садовъ. Навстрѣчу то и дѣло показываются стройныя фигуры туземныхъ жителей въ ихъ живописныхъ костюмахъ. Жители края по благородному типу лица невольно наводятъ на мысль, что въ этой картвельской расѣ находится большая примѣсь италіанской и греческой крови; недаромъ все побережье древности было усѣяно греческими и италіанскими колоніями.

На восьмой верстѣ отъ Самтреді находится мѣстечко Орпирі, раскинувшееся у самаго берега Ріона, населенное скопцами и знаменитое классическими лихорадками: рассказываютъ, что лихорадки трясутъ здѣсь даже куръ.

У Орпиря я переправился по новому, только что открытому мосту на каюкахъ. Вотъ и древній Фазисъ, на которомъ когда то существовало пароходство. Широкой, свѣтлой лентой бѣжитъ онъ въ зеленыхъ берегахъ, замыкаясь по ту сторону красивой панорамой Чахатаурскихъ горъ, а за ними рисуются снѣжные хребты Аджаріи. За Ріономъ дорога подымается въ гору на Чахатаурскій перевалъ и спускается къ мѣстечку Нагомари.

Въ Нагомари я навѣстилъ офицеровъ батареи, тамъ стоявшей.

Чины батареи стояли въ палаткахъ и, въ ожиданіи общанныхъ барачковъ, проклинали край съ его сыростью и лихорадками и далеко не раздѣляли моихъ восторговъ: «поживете и во всемъ этомъ разочаруетесь», увѣряли они меня.

Въ Озургеты вѣхалъ я почти незамѣтно; задолго до города начались поля и сады, изъ которыхъ мѣстами выглядывали домики; дальше домики стали показываться чаще, еще дальше они начали превращаться въ лавки и магазины и обратились наконецъ въ сплошную улицу: это былъ городской базаръ. Направо и налево отъ базара, мѣсто значительно выше, какъ бы берега рѣки, русло которой образуетъ базарная улица *).

Направо на возвышеніи чернѣется четырехъ-этажная казарма мѣстнаго баталіона, Ермоловской еще постройки, пережившая и временное турецкое пребываніе въ Озургетахъ въ прошлую войну. Направо же находится и главная городская площадь, застроенная домами мѣстной интеллигенціи и вліятельныхъ особъ города, преимущественно князей Гуріелей. На той же площади находятся двѣ церкви: русская военная и гурійская, обѣ православныя, но въ гурійской богослуженіе отправляется на туземномъ языкѣ.

Облачившись въ форму, я пустился на поиски начальника отряда генераль-маіора Цытовича, командира 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи. Мнѣ сказали, что онъ обѣдаетъ у кордоннаго начальника, полковника князя Григорія Давидовича Гуріеля. Домъ князя Гуріеля находился на горѣ и былъ видѣнъ отовсюду; дорога къ нему идетъ между садами; видъ съ горы, на которой находился домъ, чудесный. Прямо передъ домомъ группа высотъ Экадіо, гдѣ устраивался барачный лагерь отряда; лѣвѣе г. Экадіо долина р. Бзуджи, отдѣляющая городъ отъ высотъ.

Долина Бзуджи замыкается горами, и эти горы уже Турція... Взойдя на балконъ, я увидалъ черезъ окна длинный обѣденный столъ и большое общество.

Я приказалъ о себѣ доложить, дождался генерала, представился ему и представилъ свѣдѣніе объ артилеріи, мною доставленной и назначенной на вооруженіе города. По уходѣ генерала Цытовича, я уже думалъ идти назадъ и началъ было спускаться внизъ, когда ко мнѣ на балконъ вышелъ полковникъ, съ сѣдой бородой, съ необычайно пріятными и симпатичными чертами лица и, открывъ двери, пригласилъ меня войти: «прошу войти и закусить», прибавилъ онъ радушно. Я догадался, что это долженъ былъ быть хозяинъ дома, мѣстный гурійскій князь, начальникъ кордонной линіи нашей, князь Григорій Давидовичъ Гуріель, о которомъ еще въ Тифлисѣ слышалъ много хорошаго.

*) Мѣсто, занятое базаромъ, и было прежде русломъ рѣки Бзуджи, отведенное недавно самими жителями по новому направленію.

Отличный обѣдъ, состоявшій на половину изъ блюдъ мѣстной кухни, съ прекраснымъ мѣстнымъ блѣднорозовымъ виномъ, былъ мнѣ совсѣмъ кстати.

Обѣдающее общество состояло изъ начальника отряда генераль-маіора Цытовича, роднаго брата хозяина, князя Левана Гуріеля (также генераль-маіора русской службы), командира 1-го пластунскаго баталіона полковника Козелкова, князя Цулукидзе, гурійскаго помѣщика, многихъ другихъ родственниковъ князя, мѣстныхъ князей и двухъ военныхъ инженеровъ штабсъ-капитановъ Каргера и Герасимова, жившихъ въ домѣ князя и занятыхъ устройствомъ барачнаго лагеря, сообщеніями въ краѣ и укрѣпленіямъ, воздвигаемыми на г. Экадіо и въ самыхъ Озургетахъ.

По окончаніи обѣда хозяинъ дома пригласилъ меня къ нему переселиться и жить у него, пока моя служба меня удерживаетъ въ Озургетахъ: «комнатъ много, выбирайте любую!» Я охотно переселился изъ духана, а къ вечеру окончательно устроился въ предложенной комнатѣ.

На третій день моего приѣзда, погода измѣнилась къ худшему и пошелъ дождь, лившій потомъ почти два мѣсяца безпрерывно. Какъ Озургеты, такъ и окрестности приняли некрасивый видъ: вездѣ грязь, вода, сырость. Съ переменой погоды начались и мои разочарованія въ прелести жизни въ Гуріи; эти непрерывные дожди, казалось, могутъ свести человѣка съ ума. Дѣло дошло разъ до наводненія и вся нижняя часть города была затоплена хлынувшей водой; по шоссе вода шла на 1 ¹/₂ аршина высоты; всѣ рѣчки вышли изъ своихъ береговъ и шумѣли. Причина наводненія нижней части города была очень простая; отъ непрерывныхъ сильныхъ дождей въ Бзуджѣ была такая прибыль воды, что часть ея направилась по своему старому руслу, размывъ прегражденія. Вечера я проводилъ въ обществѣ князя Григорія Давидовича.

Если у кого лицо есть зеркало души, такъ это безспорно у князя Григорія: глубоко симпатичная, почтенная и благородная наружность его отражала на себѣ его гуманную и рыцарскую душу. Любовь къ ближнему, широкое гостепріимство, снисходительность къ людямъ и ихъ недостаткамъ, уваженіе къ наукамъ, страсть къ чтенію, не смотря на свои преклонные годы, отсутствіе всякаго честолюбія, ничтожныя заботы о своемъ собственномъ благоустройствѣ и благополучіи,—вотъ отличительныя черты этого «не нашего времени» человѣка. Въ своемъ огромномъ домѣ онъ занималъ одну комнату, ничѣмъ не убранную, ничего—кромѣ самаго необходимаго, всего того, что помѣстится въ палаткѣ походнаго человѣка.

Въ краѣ между гурійцами и турками онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и особенно любимъ былъ простымъ народомъ. Полъ жизни провелъ онъ въ походахъ и разъѣздѣ по кордону. Князь любилъ также вспомнить старину, рассказывать о прошлой кампаніи, въ которой игралъ видную роль и за которую, между прочими наградами, получилъ Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Этотъ орденъ покойный Государь самъ повѣсилъ ему на грудь.

Князь Григорій Гуріель.

Вотъ какъ было это дѣло, которое онъ мнѣ рассказывалъ съ особымъ благоговѣніемъ къ покойному Государю: «я вѣрю въ сны», говорилъ князь; «это было наканунѣ Нигитскаго дѣла: я вздремнулъ и во снѣ увидѣлъ Государя, который со мной говорилъ». «Слѣдующій день былъ славный для русскаго оружія; мы разбили турокъ на голову, и я, вмѣстѣ съ другими, былъ посланъ въ С.-Петербургъ представиться Государю Императору».

«Сонъ сбылся на яву: я увидѣлъ Государя, который ласково со мной говорилъ, благодарилъ меня за то, что я хорошо говорилъ

по русски, и, снявъ съ военнаго министра орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, самъ повѣсилъ его мнѣ на грудь».

При князѣ состояло въ услуженіи нѣсколько преданныхъ ему гурійцевъ, украшенныхъ знаками отличія военнаго ордена, завѣдывавшихъ различными отраслями его хозяйства и бывшихъ неизмѣнными спутниками его странствованія: то по кордону напрямки черезъ горы, то по турецкой Гуріи, куда онъ сопровождалъ лицъ, назначаемыхъ отъ нашего правительства. Лица эти переодѣвались, а онъ безнаказанно совершалъ эти походы (поѣздки) въ мундирѣ русскаго полковника и вездѣ, въ самыхъ антирусскихъ мѣстностяхъ бывшаго Лазистанскаго санджака, его встрѣчали съ почетомъ и доврѣемъ.

Январь мѣсяцъ всецѣло былъ поглощенъ дѣятельными приго-

товленіями, которыя для ріонскаго отряда заключались частью въ сосредоточеніи отряда въ Озургетахъ и его окрестностяхъ, какъ исходной базы будущихъ операцій нашихъ въ Лазистанскомъ санджакѣ, частью въ укрѣпленіи высотъ, окружающихъ городъ, и другихъ пунктовъ, лежащихъ на пути наступленія изъ Турціи на Озургеты и въ устройствѣ на высотахъ Экадіо укрѣпленнаго барачнаго лагеря.

Не смотря на проливные дожди и соединенныя съ ними послѣдствія, фортификаціонныя и инженерныя работы, руководимыя двумя инженерными офицерами, моими сожителями въ домѣ князя Григорія, шли своимъ чередомъ: укрѣпленія росли и подѣвались, частные дома приспособлялись къ госпиталямъ и складамъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; черезъ рѣчку Бзуджу, отдѣляющую Озургеты отъ высотъ Экадіо, перекинутъ солидный на устояхъ мостъ и отъ него проводились грунтовыя дороги до барачнаго лагеря.

Въ описываемую эпоху отрядъ былъ сосредоточенъ на границѣ Гуріи и главнымъ образомъ въ Озургетахъ, а именно: баталіонъ александропольцевъ, 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й пѣшій пластунскій баталіонъ, Гурійская пѣшая дружина, восемь орудій 1-й батареи 41-й артиллерійской бригады и восемь позиціонныхъ орудій, мною доставленныхъ и въ моемъ вѣдѣніи находившихся, въ Озургетахъ. Остальные три баталіона александропольцевъ и понтонный паркъ были расположены въ Николаевскѣ; Ленкоранскій пѣхотный полкъ при восьми орудіяхъ 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады—въ мѣстечкѣ Нагомаръ; Кутаисскій конно-прегулярный полкъ и 2-й кавказскій саперный баталіонъ—въ мѣстечкѣ Орпши.

Части отряда, стоявшія въ самыхъ Озургетахъ, въ срединѣ января были переведены въ общій укрѣпленный и барачный лагерь на высотахъ Экадіо, командующихъ Озургетами и ихъ окрестностями и находившихся на узлѣ путей въ Турцію. Такое положеніе высотъ ясно указывало на ихъ стратегическое значеніе, вотъ почему уже въ январѣ 1877 года на высотахъ находился родъ укрѣпленнаго барачнаго лагеря *).

Укрѣпленія лагеря и города состояли въ слѣдующемъ: впереди барачнаго лагеря лонетъ на четыре орудія и для пѣхоты; на самой

*) Высоты Экадіо отъ Чолока всего въ трехъ верстахъ, но это только по направленію на ближайшій пограничный постъ Чолокскій; по направленію же на другіе пограничные посты разстояніе это больше, а именно: до Богильскаго поста 19 верстъ и до Лельскаго 22; но, во всякомъ случаѣ, дороги къ этимъ постамъ пролегли по гребню Экадіо, отходящему къ юго-западу.

возвышенной точкѣ высотъ Экадіо укрѣпленіе на четыре орудія; внизу въ долинѣ рѣчки Бзуджи, у такъ называемаго казачьяго поста, гдѣ отходила ближайшая къ пограничному Чолоку дорога, редутъ на четыре орудія и для пѣхоты. Редутъ этотъ, расположенный на низменности, въ одной верстѣ разстоянія отъ подошвы Экадіо, составлялъ крайній лѣвый флангъ укрѣпленной позиціи. У провіантскаго магазина, расположеннаго на возвышенной площадке на краю дороги, что на правомъ флангѣ укрѣпленной позиціи, укрѣпленіе на два орудія и, кромѣ того, непосредственно въ самомъ городѣ, на краю его, обращенномъ къ дорогамъ, ведущимъ

Гурійская дружина, возвращающаяся съ ученія.

изъ Турціи, на высотѣ, въ саду дома князя Григорія Гуріеля, было насыпано укрѣпленіе на два орудія. Укрѣпленіе это обстрѣливало доступы къ мосту черезъ рѣчку Бзуджу, самый мостъ, а также фланкировало подступы къ редуту на казачьемъ посту. Фруктовый и виноградный садъ князя Гуріеля, примыкавшій непосредственно къ дому, съ батареею на одномъ концѣ и обрамленной траншеею, имѣлъ видъ чрезвычайно оригинальный.

На описанныхъ батареяхъ, орудій, назначенныхъ на ихъ вооруженіе, нигдѣ не стояло; батареи эти могли быть заняты только по тревогѣ; смотря по обстоятельствамъ и согласно направленію наступ-

ленія турокъ. Пока же всѣ восемь стальныхъ 4-хъ-фунтовыхъ круповскихъ пушекъ, названныхъ въ приказахъ по гурійскому (или ріонскому) отряду — позиціонными орудіями, стояли общимъ паркомъ въ Озургетахъ. Къ нимъ назначены восемь наводчиковъ и четыре фейерверкера отъ батарей 41-й бригады; прислуга же отъ 161-го Александропольскаго пѣхотнаго полка.

Зима въ Гуріи въ описываемое время была болѣе, чѣмъ непривлекательна. Хотя нѣжный климатъ страны и избавлялъ ее на все зимнее время отъ сильныхъ холодовъ, но зато непрерывные дожди, смѣнявшіеся изрѣдка снѣгомъ, отсутствіе солнца по цѣлымъ мѣсяцамъ, сырость и послѣдствія всего этого, лихорадки, — все это составляло всегда особенность стоянки войскъ въ Гуріи. Барачный лагерь на г. Экадіо, въ 2—3 верстахъ всего отъ Озургетъ и въ столькихъ же отъ турецкой границы, представлялъ зимой мѣсто почти недоступное по грязнымъ и топкимъ къ нему дорогамъ. Орудія и лошади батарей располагались въ невылазной грязи; лошади стояли, кромѣ того, на открытомъ воздухѣ и были подвержены всѣмъ переменамъ погоды. Коновязи, безпрестанно мѣнявшія свои мѣста, утопали въ грязи; все это способствовало развитію мокрецовъ. Немыслимо было производство какого либо ученія или проѣздовъ; путешествіе лошадей на водопой представляло сложную операцію.

Не лучше было и положеніе пѣхоты на Экадійскихъ высотахъ (одинъ баталіонъ 161-го Александропольскаго, 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, пластунскій баталіонъ и Гурійская пѣшая дружина). Тѣ же причины мѣшали ученьямъ и нагоняли страшную тоску.

Фуражное довольствіе въ Гуріи имѣетъ также свои особенности: отсутствіе сѣна, ячменя и овса. Казалось бы, чѣмъ же тогда довольствоваться лошадей? Сѣно замѣняетъ «чала», стебли проса и болѣе грубая чала — стебли кукурузы. Чала — пища безспорно хорошая, здоровая и лошади ѣдятъ ее охотно. Зерновой фуражъ состоитъ изъ кукурузы, которую какъ русскія лошади, такъ черноморы, донцы, кабардинцы и карабахи, за немногими исключеніями, ѣдятъ неохотно; въ молотомъ видѣ она идетъ лучше *).

Такимъ образомъ, зимняя стоянка отряда, сосредоточеннаго въ Озургетахъ, представляла цѣлый рядъ лишеній.

Хорошіе дни были очень рѣдки, но если они выпадали, то ими уже пользовались вполне. Въ одинъ изъ такихъ рѣдкихъ дней мнѣ

*) Впослѣдствіи, по переходѣ границы, интендантство доставляло ячмень, овесъ и сѣно; доставка производилась изъ Одессы, Керчи и Таганрога.